

Золотая кассета Дмитрия Сухарева

Что и делает нам честь, если честно разобраться

Я занимался каким-то немудрым делом при включенном радио. Ровной струйкой лилось верещание дикторши. Речь, видимо, шла о бытовом обслуживании. Умилным голосом было сказано: "Новому кафе дали поэтическое имя — "Чайка". Я врубился и вдруг обиделся.

Нет, в самом деле!

Из миллиона россиян максимум трое отличат чайку от крачки. Одни и те же тона в оперении. Обе по-бабьи крикливы. Одинаково целятся в рыбешку. И даже одинаково обильны в отечественной природе. Но никто не назовет кафе "Крачкой". Никто не посадит начальника в членовоз с таким названием. В чайку — пожалуйста. Миллион, миллион, миллион пошлых чаек. Лимузины, прачечные, торговые ларьки, садовое товарищество киноактеров и профилакторий авиадиспетчеров. Чем крачка не угодила? Чайка, видите ли, поэтична.

**Так дэвушка юная чайкой прэзэстной
Над озером тихим бэспэчно жила...**

Поэты, если они настоящие, благодушно подшучивают над расхожими представлениями о поэтических словах.

**Запах конского навоза,
дух свежайшего дерьма!
Это вам уже не проза,
а поэзия сама.**

(Борис Слуцкий)

Но от пошлости нет универсальной защиты. Дай срок, загремят на всех волнах хиты про запах конского навоза (который в самом деле не лишен приятности), и все, конец свежайшему духу. И дикторша новой генерации умильно прострекочет: "Новой пиццерии дали поэтическое имя — "Дерьмо".

Гоголь писал однажды, что пошлеет всякое слово, "само по себе невинное, но повторенное двадцать раз". Наверно, надо уточнить: повторенное двадцать раз в банальном окружении. Слово пошлеет свитой.

Вот несколько извлечений из сборника одного обаятельного барда. Поэтичные (извините за выражение) слова выписаны вместе с теми, которые при них присутствуют.

Свеча: догорает, дрожит, затеглим, оглывает, теплится...

Печаль: горька, легка, светла...

Звезда: упала, мерцает, хрустальная, светит, дремлет, догорает, чужая, золотая, устала светить...

Костра: искры от, грелись у, отблеск, дым, споем у...

Имя автора вам ни за что неугадать. В том и беда — такие авторы безлики, их поэтизмы стереотипны. Боль, гитара, годы, горы, душа. Осень, палатка, песня, снег, струны, туман. Каждое слово при фирменной свите. На сотню песен ни одного живого слова!

Но так, наверно, и должно быть, если столько людей берется за сочинение песен. Наверно, это даже хорошо. Чем их больше, тем выше вероятность, что в один прекрасный день выйдет к микрофону какая-нибудь толстая в бусах или тоненькая в джинсах, тряхнет рукой над грифом — и самые затасканные слова вдруг снова обретут невинность.

**На третьей справа от луны
Некошеной звезде...**

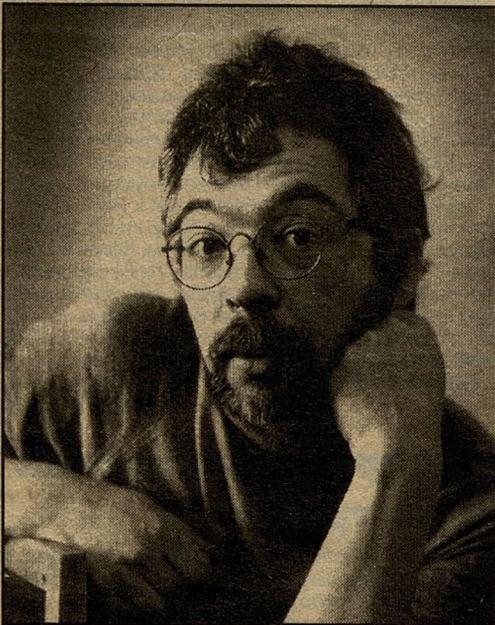
И вздрогнешь, и вытянешь шею. Отколь такая?! Нижневартовск. Звать как? Да не мешайте слушать!

Все когда-то были живыми, вот что печально. И соловей, и роза. И кочующие по КСПшному заповеднику три пошляка — Дон Кихот, Пьеро, трубоч.

Но вот что прекрасно: никто не убит насовсем. Достаточно попрыскать живую водой — и...

Песня, которая дождалась сегодня своей очереди в "Золотую кассету", лучший тому пример. Ее ключевое слово — из самых испошленных. Это даже не чайка, куда хуже: душа. Казалось, никогда уже не вернуть жизнь в это замученное, замусоленное сочинителями слово. Поэт Александр Кушнер вернул. Московский бард Сергей Канашенко создал замечательную музыку. С этой вещью он стал одним из лауреатов конкурса, устроенного где-то в 80-х газетой "Современник".

Конкурс был заочным, что позволило охватить множество городов и весей нашего (тогда — большого) отечества. Мы, жюри, прослушали сотни авторов. Долгими вечерами сидели у Никитиных в наушниках — каждый со своим мешком кассет. Радостно делились открытиями.

Сергей Канашенко оказался выпускником Московского института стали и сплавов. (Это тот институт, в котором профессорствует Виктор Берковский.) В кассете Сергея было тогда несколько ярких вещей, сейчас они стали доступными благодаря появлению компакт-диска этого автора. Песня на стихи Кушнера осталась у меня в числе любимых.

**То, что мы зовем душой,
Что, как облако, воздушно
И блестит во тьме ночной
Своенравно, непослушно
Или вдруг, как самолет,
Тоньше колющей булавки,
Корректирует с высот
Нашу жизнь, внося поправки;**

**То, что с птицей наравне
В синем воздухе мелькает,
Не сгорает на огне,
Под дождем не размокает,
Без чего нельзя вздохнуть,
Ни глупца простить в обиде;
То, что мы должны вернуть,
Умирая, в лучшем виде, —**

**Это, верно, то и есть,
Для чего не жаль стараться,
Что и делает нам честь,
Если честно разобраться.
В самом деле хороша,
Бесконечно старомодна,
Тучка, ласточка, душа!
Я привязан, ты — свободна.**